

Н.КОРЖАВИН

ГОДЫ

Н. КОРЖАВИН

ГОДЫ

Н. КОРЖАВИН

ГОДЫ

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА • 1963

Н. Коржавин работает в поэзии давно. Он часто печатается в периодических изданиях, однако с книгой выступает впервые. Сборник «Годы» — итог двадцатилетней творческой деятельности поэта. Это стихи современника, человека, живущего радостями и болями своих дней. В книгу включены стихи о войне, о любви, о событиях истории, перекликающихся с событиями сегодняшней жизни нашего народа.

ВСТУПЛЕНИЕ

Оглядываясь вновь и вновь,
Ты чувствуешь в летящих датах,
На чем замешивалась кровь
Ребят, родившихся в двадцатых.

Что мы услышали от мам?
Все то, что прочие? — Едва ли.
Другие песни спели нам,
Другие сказки рассказали.

Мы были новой страной.
Еще не признанной. Но сущей.
Гражданской сказочной войной
Она прорвалась в мир грядущий.

Мы родились в года баллад
Неспетых. Но успевших сбыться.
В года, где двух времен граница.
В стране, что вызовом была.

В стране, что вызовом была...
И потому уже сначала
Ей косность мира, как могла,
На дерзкий вызов отвечала,
Старалась брать реванш во всем,
И не всегда стреляла мимо...
Но то, что мы с собой несем,
Уже от нас неотделимо.

1946

СТИХИ О МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

Я все запомнил — и блаженство супа,
И полумрак окна,
И спертый воздух.
Я в этой кухне воровал когда-то
Пирог из печки
И тащил за хвост
Нелепо упирившуюся кошку.
Пирог был ароматным и горячим
И жег меня за пазухой.
Я с ним
Бежал во двор, где на футбольном поле
Двенадцать босоногих мальчуганов
Гоняли тряпки, скатанные крепко
И громко величавшиеся — мяч.
И я делился добытым.

И вместе
Мы забирались высоко на крышу,
Где, корками хрустя, мои друзья
Выкладывали мне о мире взрослых
Гипотезы, обиды, наблюденья...
А я импровизировал им сказки,
Невесть откуда бравшиеся сказки,
Где за развязкой следует завязка,
За гибелью героической — воскрешенье
И никогда не следует конец.
Ребята слушали и не дышали.
И сам я тоже слушал с интересом.
А там, на кухне, бесновалась тетка:
Мол, эта дружба уличных мальчишек
Невесть куда ребенка заведет.
А я и сам был уличным мальчишкой:
Швырял камнями, разбивая стекла,
И это не мешало мне, однако,
Читать о том, как закалялась сталь.
А дни летят быстрее и быстрее,
И все сильнее стучит и громче сердце,
И мы уже мечтаем о походах,
О ромбах на малиновых петлицах
И о девчонке в кепке набекрень.
А время становилось все суровей,
Но я жил в мире бурных революций,
Писал стихи без рифмы и без ритма,
Жалел, что не бывал под Перекопом.
Моя звезда уже была моей!

1945

* * *

В эпоху войн и революций
Жить людям вовсе не легко,
Хотя эпохой создаются
Основы будущих веков.
Противоречья... Все готовы
Признать, что есть они у нас.
Но это как бы про запас —
Из отвлеченных книжек слово.
Словцо научное,
 каким
Стремятся обнаружить знанья...
Ручное...
 Станет ли ручным
Огонь, вдруг обрета название?
Противоречья — это жизнь:

Любовь, борьба, разлуки, встречи,
Вся страсть ума, вся боль души,
Надежды все — противоречья.
Так пусть в стихах, в основе кладки
Лежат, не прячась в них ничуть,
Не частности, не недостатки —
Противоречья. Порох. Суть.

1945

* * *

Век открывался для меня не просто.
Он был противоречьем во плоти.
Я видел подлость, знаю благородство,
Я видел мрак — и знаю свет пути.
Век шел к свободе — и крепил законы.
Всё для войны — и не любил войны.
Был бунтовщик — и прицеплял погонь,
Был демократ — и соблюдал чины.
Он шел на риск и не дрожал от страха...
Когда ж он кончит все свои труды,
Останется земля, где нету засух,
И мир, освобожденный от нужды.

1945

* * *

Где вы, где вы?

В какие походы
Вы ушли из моих городов?
Комиссары двадцатого года,
Я вас помню с тридцатых годов.
Вы вели меня, люди стальные.
Отгоняли любую беду,
Хоть вы были совсем не такие,
Как бывали в двадцатом году.
Озаренней, печальнее, шире,
Непригодней для жизни земной...
Больше дела вам не было в мире,
Как в тумане скакать предо мной.
Словно все вы от части отстали,
В партизаны ушли навсегда...

Нет. Такими вы не были — стали,
Продираясь ко мне сквозь года.
Вы легко побеждали, но все же
Оставались всегда ни при чем.
Лишь в Мадриде встречали похожих,
Потому что он был обречен.
О, как вы отрешенно скакали,
Зная правду, но веру храня,
И меня за собой увлекали,
Отрывали от жизни меня...
И летел я, коня погоняя,
Прочь куда-то, в пыли и в дыму.
Почему — я теперь уже знаю,
А куда — до сих пор не пойму.
Я не думал о вашей печали,
Я скорбел, что живу как во сне,
Но однажды одни вы умчались
И с тех пор не являлись ко мне.
И пошли мои взрослые годы,
В них не меньше любви и огня...
Но скажите, в какие походы
Вы идете теперь без меня?

1960

* * *

Ни к чему,
 ни к чему,
 ни к чему полунощные бденья
И мечты, что проснешься
 в каком-нибудь
 веке другом.
Время?
 Время дано. Это не подлежит обсуждению.
Подлежишь обсуждению
 ты,
 разместившийся в нем.
Ты не верь,
 что грядущее вскрикнет,
 всплеснувши руками:

«Вот какой тогда жил,
да, бедняга, от века зачах».
Нету легких времен.
И в людскую
врезается память
Только тот,
кто пронес
эту тяжесть
на смертных плечах.

1952

* * *

О время резкое мое,
Ты чет и нечет, *pro u contra...*
И как тебя не воспоет
Тот, кто хоть раз обнял твой контур?
Упрямое!

Твои начала
Лежат в любви...

И оттого
Ты жалостью не отличалось
И не спасало никого.
Захвачено стремленьем ввысь,
Всегда движенье, вечно сгусток...
Ты не спасаешь. Твой девиз —
По мелочам не тратить чувства.

С тобою трудно совладать:
То ровный путь, то всё —обрывы..
Но можно вместе вырастать
И постигать твои порывы —
И так счастливым быть с тобой,
Не знать беды..
Но разве просто
Испытывать все время боль
Безостановочного роста?

1946

НАД КНИГОЙ НЕКРАСОВА*(1941)*

...Столетье промчалось — и снова,
Как в тот незапамятный год,
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд.
Но кони все скачут и скачут,
А избы горят и горят.

ХЛЕБ

Война.

Приуралье.

Промозглость неба.

В столовой толпа и дощатый стол...

И плачет девочка: «Мамка, хлеба!..»,

Уткнувшись обиженно в бабий подол.

А баба

к обеду

кусочек серый

Хранит, завернувши его в полотно...

И баба злится: «Заткнись, холера!..»

У бабы сердце в крови давно.

Сегодня время совсем другое.

Но, как бы ни жил я

и ни был где б,

Часто — лишь только глаза закрою:
Девочка, плача, глядит на хлеб.
Поди объясни ей, что год этот труден.
Что мать на работу уходит в ночь...
А рядом
 усталые взрослые люди
Стоят
 и не могут ничем помочь.
И делают вид,
 что лишь из-за шума
Смысл этих всхлипов невнятен им.
...С тех пор мне обидно и стыдно думать
О власти хлеба над всем земным.
Нет! Мы не рабы этой древней власти!
Но все ж от нее доставалось нам...
С первой секунды борьбы за счастье
Она служила нашим врагам.
Чтоб выпал серп и свалился молот,
Чтоб сверглась наша мечта, пропав...
И властью хлеба душил нас голод
Руками четырнадцати держав.
Как часто обида грызет глухая,
Что мы,
 властелины во всем другом,
Как с равным,
 и волю
 и дух напрягая,
Боролись
 с таким вот
 слепым врагом...
Затем мы всю жизнь и штурмуем небо,
Затем нас и мчат на Алтай поезда.

Чтоб вовсе не было власти у хлеба,
Чтоб стал он как воздух
и как вода.

1956

ДЕТИ В ОСВЕНЦИМЕ

Мужчины мучили детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
Трудились — мучили детей.

И это каждый день опять:
Кляня, ругаясь без причины...
А детям было не понять,
Чего хотят от них мужчины.

За что — обидные слова,
Побои, голод, псов рычанье?
И дети думали сперва,
Что это за непослушанье.

Они представить не могли
Того, что было всем открыто:
По древней логике земли,
От взрослых дети ждут защиты.

А дни всё шли, как смерть страшны,
И дети стали образцовы.
Но их всё били.

Так же.

Снова.

И не снимали с них вины.

Они хватались за людсь.
Они молили. И любили.
Но у мужчин «идеи» были,
Мужчины мучили детей.

Я жив. Дышу. Люблю людей.
Но жизнь бывает мне постыла,
Как только вспомню: это — было!
Мужчины мучили детей!

1961

ПАРАД ВЕТЕРАНОВ В КЕЛЬНЕ (ФРГ)

Берет реванш воинственная муза —
Проходит съезд солдатского союза.
И на экране, напрягая губы,
С усердием ветераны дуют в трубы.
Как их волнует строй и марш солдатский!
Как скучно им стоять в одежде штатской!
Как друг на друга все они похожи...
И даже генерал. Он в штатском тоже.

Они в Крыму и в Африке бывали,
Они весь мир почти завоевали.
И шли вперед, как танки. Как моторы.
Не отличая славы от позора...

Они в плохое время выросли.
С начальных классов думать перестали

И поклонялись в жизни только силе.
Но силу ломит сила. Их разбили.

Они теряли голову вначале.
Что «Гитлеру капут», они кричали.
И руки вверх — охотно — поднимали.
Презренье с чувством долга принимали.

И кланялись, и ползали... Но только
В них не было раскаянья нисколько,
А было то же — поклоненье силе, —
Ведь не они разбили. Их разбили.

Прошла разруха. Кончилась
усталость.

И вот стоят. Они в живых остались.
Стоят в строю, и их волнует это,
У них других воспоминаний нету.

Забыто все. Прошедшее — прекрасно.
Они тупы. Они опять опасны.
Они в плохое время вырастали.
С начальных классов думать перестали.

Им эти трубы силу обещают.
Им эти трубы юность возвращают.
И, как в былые дни, горят их взоры,
Не отличая славы от позора.

1960

Ее нигде себе ты не найдешь.
А подвиг — он забыт бывает тоже...
Не каждый подвиг помнят целый век.
И ни на что
 рассчитывать не может
Под пытками молчащий человек...
Но он молчит,
 хоть всё скрывают стены.
Молчит, хоть сам он бледен, как стена...
Да, можно жизнь продлить ценой измены.
Но ведь не эта жизнь ему нужна.
Все тусклостью покроется мгновенно,
И станет дней бессвязна суёта...
Тот не предаст,
 кто знает жизни цену,
Кому ее доступна красота.
Он был велик без позы величавой,
И так, как жил, он встретит смертный час...
Пусть мальчики
 не бредят вечной славой —
И муки,
 и награды —
 всё при нас.
...Но с некоторых пор я постоянно
Все думаю — куда я ни пойду —
Про толпы опьяненных славой бранной
В четырнадцатом горестном году.
Я слышу гром. И слышу крики «браво!».
Гордятся люди духом боевым.
А ведьма-смерть на них глядит, как слава!
Да, слава — дым!.. Пожаров черный дым.
В Германии грохочут барабаны.

Толпа грозит врагам и рвется в бой,
А мой герой, свободный от дурмана,
Встает над морем глупости людской.
Он знает: не на всех нашло затменье.
За ним друзья, что могут всё понять.
И пусть толпа орет ему: «Изменник!»,
За то, что он не хочет изменять.
Он говорит. Он смотрит взглядом строгим.
Вокруг не люди — шквал.

Но стихнет шквал,

И будут благодарны тем немногим,
Кто в эти дни свой разум отстоял.
Он устоит — хоть этот подвиг труден,
Хоть много проще нынче быть с толпой.
Ведь тот, кто служит не себе, а людям,
Тот должен быть всегда самим собой...
Но рассуждений истекает время.
В них все равно не высказать всего...
Я подбирался исподволь к поэме
И в ней — к судьбе героя моего.
Он не дождался радостных свершений,
Не отвратил бессмысленной войны.
Но жизнь — прожил!
Не ждет он воскрешений,
Ему и славословья не нужны.
И я затем ищущу слова и строки,
Чтоб некий срок, бунтуя и любя,
Жить, приобщась к его судьбе высокой.
Пишу не для него, а для себя.

1960

БОРОДИНО

Еще в дорогу вжился мало,
Еще в душе твоей живет
Гром Белорусского вокзала,
Московский шумный обиход.
А здесь — суглинки вековые,
Проселок ливнями размыт
И срединная Россия
Листвою мокрою блестит.
И манят снами перелески...

Но жизнь торопит наяву.
И поезд мерно мчит к Смоленску,
А пар ложится на траву...
Встань. Посмотри светло и строго:
Здесь каждый куст давно воспет...

Привет, Смоленская дорога —
Дорога бедствий и побед!
Здесь может многое открыться:
России гордость, боль — вся суть!..
Путь от границы до столицы,
Видавший много торный путь!
Нас тоже в час, нельзя суровой,
Водила тем путем беда,
Мы тоже знаем, сколько крови
Здесь версты стóят иногда.
И мы здесь остро ощущали
Москву в тылу, недалеко,
И мы здесь тяжело отступали
И наступали нелегко.
Бил ветер в лоб и ветер в спину,
Здесь были точными слова,
Что перед нами путь к Берлину,
А позади у нас — Москва..
Поля, леса, холмы, ложбины,
Даль то видна, то не видна.
Обычно русская картина —
Пейзаж села Бородина...

Здесь после боя, с тяжким грузом
В душе
и чувствуя вину,
Вдаль ехал и не знал Кутузов,
Что нынче выиграл войну.
Он больше не был царедворцем —
За все на деле отвечал.
И мучил сердце полководца
Страх за Россию... Он молчал.

А мимо шли устало роты
В густой пыли родной земли,
Полны надежды и заботы,
Полны тоски. Но мерно шли.
Над ними липы шелестели,
Томили душу им поля...
Неужто будет в самом деле
Под кем-то эта вот земля,
Ее поля, ручьи и рощи...
Свое — болит, щемит в груди...
Не Австерлиц — там было проще, —
Смоленск и Вязьма позади.
Без шуток шли — не до веселья.
Но все ж в рядах. Держали строй.
Шли не без цели — с ясной целью,
Из боя шли в грядущий бой.

Шли офицеры молодые,
Тут первый раз придется им
Простой народ, народ России
Теперь почувствовать своим.
И бунта ихнего начало
Лежит, наверно, в этом — тут.
Потом погоны генералов
С них — будет час — еще сорвут.
Пока ж они не различают
В судьбе грядущей ничего,
Лишь только боль и торжество
Со всеми их объединяют.

На войск размерное движенье,
На мерный марш в пыли дорог

Смотрел Кутузов: — Видит бог!
Так не бывает в пораженья!

А Бонапарт, водитель войск,
Что шли опять вперед, по следу,
Он, сам не зная отчего,
Не ощущал теперь победу.
Солдаты видели его:
Он ехал средь блестящей свиты,
И взгляд, скользящий по убитым,
Не открывал им ничего.
Он только замкнут был и строг,
На что за ним признали право.
Такой как вечно — полубог,
Ведущий всех дорогой славы.
А кем был в самом деле он,
Судьбой внесенный так высоко?
И чем он так был удивлен
В стране и чуждой и далекой?
Здесь было все на свой манер,
Здесь не любили подчиняться.
Здесь не хотели брать пример
С культурных европейских наций
И не мечтали умножать
Его блистательную славу...
Здесь было страшно наступать
И ядовито пахли травы.

Он, завладевший колесом
Истории, творивший даты,
Предавший все, презревший все,
Чем сердце Франции богато,

Всю даль надежд, всю ширь идей
Почтивший наглым безразличьем,
Оставивший из всех страстей
Одну пустую страсть к величью,
Он, на лету хватавший нить
Событий...

с кем нельзя бороться,

Кто мог любого победить,
Когда сходились полководцы, —
Он чувствовал, что ни при чем
Здесь это все и значит мало.
Он был блестящим игроком —
Москва игры не понимала.

Россия! Родина! Россия!
Вставай! Живи! Твой час настал.
Слова и мысли — все простые,
И доблесть на виду — проста.
Покуда спит твое богатство,
Твоя нескрытая краса,
Ложь про свободу и про братство
Тебе не пустит пыль в глаза.
Еще пройдут, промчатся годы —
И давней сказкой станет тишь.
Ты мир не этакой свободой,
Не этим братством озаришь!
Все будет ярко и не узко,
Всем — свыше сил. Тебе — под стать.
Не по-французски, а по-русски
Тогда свободу будут звать.
Еще не во всю мощь ты дышишь,
Еще и плетки, и грехи.

И Глинки нет. И Пушкин пишет
В лицее детские стихи.
Но все пройдет. И станет после
Невыносимо жить... Но все ж
Он подрастет и станет взрослым.
Тогда ты голос обретешь!
И будет дальняя дорога
Для всех открытыя и закон.
Пусть в ней не то увидит Гоголь,
Но даль почувствует и он.
Ты вновь родилась в те мгновенья,
Все передумавши сполна.
Ты приняла свое крещенье
В святой грозе Бородина.
И как тот демон, «дух свободный»,
Подумать даже втайне мог,
Что ты отдашь за блеск холодный
Крутую даль своих дорог?
Ведь ты светла и молода,
И дальний путь твой — весь по кручам...
...Катилась яркая звезда
За грозные густые тучи.

1951

НЕВЕСТА ДЕКАБРИСТА

Уютный дом,

а за стеною — вьюга,

И от нее

слышнее тишина...

Три дня не видно дорогого друга.

Два дня столица слухами полна.

И вдруг зовут:

в передней — пахнет стужей,

И он стоит,

в пушистый снег одет...

— Зачем вы здесь?

Входите же, Бестужев!.. —

И будто бы ждала —

«Прощай, Анет...»

Ты только вскрикнешь,

боль прервет дыханье,

Повиснешь на руках,
и — миг — туман...
И все прошло...
А руки — руки няни...
И в доме тишь,
а за окном — буран.
И станет ясно:
все непоправимо,
Над всем висит
и властвует беда.
Ушел прямой,
уверенный,
любимый,
И ничему не сбыться никогда.
И потекут часы
тяжелых буден...
Как страшно знать,
что это был конец.
При имени его
веселом
будет
Креститься мать
и хмуриться отец.
И окружают тебя другие люди,
Пусть часто неплохие —
что с того?
Такой свободы —
строгой —
в них не будет,
Веселого
не будет ничего!

Их будет жалко,
но потом уныло
Тебе самой
наедине с собой:
Их той тяжелой силой придавило,
С которой он вступал,
как равный,
в бой.

И будет шепот
в мягких волнах вальса,
Но где ж тот шепот,
чтобы заглушил
«Прощай, Анет...»
и холод,
что остался,

Ворвавшись в дверь,
когда он уходил...
Ты только через многие недели
Узнаешь приговор...
И станешь ты
В снах светлых видеть:
дальние метели,
Морозный воздух.
Ясность широты.

В кибитках,
шестерню запряженных,
Мимо родных
заснеженных дубрав
Вот в эти сны
ко многим
едут жены.

Они вольны...

Любимым — нету прав.

Но ты — жива,

и ты живешь невольно.

Руки попросит милый граф-корнет.

Что ж! Сносный брак.

Отец и мать — довольны.

И все равно «Прощай,

прощай, Анет...»

И будет жизнь.

И будет все как надо:

Довольство,

блеск,

круженье при дворе...

Но будет снится:

снежная прохлада,

Просторный воздух...

сосны в серебре.

1953

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ

I

Нет, не с тем, чтоб прославить Россию, —
Размышленья в тиши любя,
Грозный князь, униживший Киев,
Здесь воздвиг ее для себя.
И во снах беспокойных видел
То пожары вдоль всей земли,
То, как детство, — сию обитель
При впаденье в Клязьму Нерли.
Он — кто власти над Русью добился,
Кто внушал всем боярам страх —
Здесь с дружиной смиренно молился
О своих кровавых грехах.
Вдруг, измучась душою грубой

От улыбок, что лгут всегда,
Покидал он свой Боголюбов
И скакал на коне сюда.
Здесь он черпал покой и холод.
Только мало осталось дней...
И под лестницей был заколот
Во дворце своем князь Андрей.

От раздоров земля стонала:
Человеку — волк человек,
Ну, а церковь — она стояла,
Отражаясь в воде двух рек.
А потом, забыв помолиться
И не в силах унять свой страх,
Через узкие окна-бойницы
В стан татарский стрелял монах.
И творили суд и расправу,
И терпели стыд и беду.
Здесь ордынец хлестал красавиц
На пути в Золотую Орду.
Каменистыми шли тропами
Мимо церкви

к чужим краям

Ноги белые, что ступали
В теремах своих по коврам,
И ходили и сердцем меркли,
Распростившись с родной землей,
И крестились на эту церковь,
На прощальный ее покой.

В том покое была та малость,
Что и надо в дорогу брать.

Все же родина здесь осталась,
Все же есть о чем тосковать...
Эта церковь светила светом
Всех окрестных равнин и сел...

Что за дело, что церковь эту
Некий князь для себя возвел!

II

По какой ты скроена мерке?
Чем твой облик манит вдали?
Чем ты светишься вечно, церковь
Покрова на реке Нерли?
Невысокая, небольшая,
Так подобрана складно ты,
Что во всех навек зароняешь
Ощущение высоты...
Так в округе твой очерк точен,
Так ты здесь для всего нужна,
Будто создана ты не зодчим,
А самой землей рождена.
Среди зелени — белый камень,
Луг, деревья, река, кусты.
Красноватый закатный пламень
Набежал — и зарделась ты.
И глядишь доступно и строго,
И слегка синеешь вдали...
Видно, предки верили в бога,
Как в простую правду земли.

ГЕНЕРАЛ

Малый рост, усы большие,
Волос белый и нечастый.
Генерал любил Россию,
Как предписано начальством.

А еще любил дорогу:
Тройки пляс в глуши просторов.
А еще любил немного
Соль солдатских разговоров.

Шутки тех, кто ляжет утром
В дерзкой сече на Кавказе.
Устоявшуюся мудрость
В незатейливом рассказе.

Он ведь вырос с ними вместе.
Вместе бегал по баштанам...
Дворянин мелкопоместный,
Сын
 в отставке капитана.

У отца протекций много,
Только рано умер — жалко.
Генерал пробил дорогу
Только саблей да смекалкой.

Не терпел он светской лени,
Притеснял он интендантов,
Но по части общих мнений
Не имел совсем талантов.

И не знал он всяких всячин
О бесправье и о праве.
Был он тем, кем был назначен,
Был столпом самодержавья.

Жил, как предки жили прежде,
И гордился тем по праву.
Бил мадьяр при Будапеште,
Бил поляков под Варшавой.

И с французами рубился
В севастопольском угаре...
Знать, по праву он гордился
Верной службой государю.

Шел дождями и ветрами,
Был везде, где было нужно..

Шел он годы... И с годами
Постарел на царской службе.

А когда эмира с ханом
Воевать пошла Россия,
Был он просто стариканом.
Малый рост. Усы большие.

Но однажды бывшим в силе
Старым другом был он встречен.
Вместе некогда дружили,
Пили водку перед сечей...
Вместе всё...

Но только скоро
Князь отозван был в Россию.
И пошел, по слухам, в гору,
В люди вышел он большие.

И подумал князь, что нужно
Старику пожить в покое,
И решил по старой дружбе
Все дела его устроить.

Генерала пригласили
В Петербург от марша армий.
Генералу предложили
Службу в корпусе жандармов.

— Хватит вас трепали войны,
Будет с вас судьбы солдатской.
Все же здесь куда спокойней,
Чем под солнцем азиатским.

...И ответил строгий старец,
Не выказывая радость:
— Мне доверье государя —
Высочайшая награда.

А служить — пусть служба длится
Старой должностью моею...
Я могу еще рубиться,
Ну, а это — не умею.

И пошел паркетом чистым
В азиатские Сахары...
И прослыл бы нигилистом,
Да уж слишком был он старый.

1950

РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Вьюга вое тончайшей свирелью,
И давно уложили детей...
Только Пушкин читает ноэли
Вольнодумцам неясных мастей.
Бьют в ладоши и «браво». А вскоре
Ветер севера трупы качал.
С этих дней и пошло твое горе,
Твоя радость, тоска и печаль.
И пошло — сквозь снега и заносы,
По годам летних засух и гроз...
Сколько было великих вопросов,
Принимавшихся всеми всерьез?
Трижды ругана, трижды воспета,
Вечно в страсти, всегда на краю...
За твою неумеренность эту

Я, быть может, тебя и люблю.
Я могу вдруг упасть, заблудиться
И возвыситься,
 дух затая,
Потому что во мне будет биться
Беспокойная
 жилка твоя.

1944

ЛЕГКОСТЬ

(Пушкин)

Все это так:
неправда.

Зло.

Забвенье.

Конец его друзей (его конец).

И столько есть безрадостных сердец,

А мы живем всего одно мгновенье.

Он каждый раз об это разбивался:

Взрывался... бунтовал... и — понимал.

И был он легким,

будто лишь касался,

Как будто все не открывал,

а знал.

А что он знал?

• Что снег блестит в оконце.
Что вьюга воеет. Дева сладко спит.
Что в пасмурные дни есть тоже солнце —
Оно за тучей

греет и горит.

Что есть тоска,

но есть простор для страсти.

Стихи

и уцелевшие друзья,

Что не теперь, так после

будет счастье,

Хоть нам с тобой надеяться нельзя.

Да! Жизнь — мгновенье,

и она же — вечность.

Она уйдет в века, а ты — умрешь,

И надо сразу жить —

и в бесконечном,

И просто в том,

в чем ты сейчас живешь.

Он пил вино и видел свет далекий.

В глазах туман, а даль ясна, ясна.

Легко-легко...

Та пушкинская легкость,

В которой

тяжесть преодолена.

УХОД

Бог не дается. Все непримиримо.
И каждый шаг как новый Рубикон.
Нет в Питере царя! Нет папы в Риме!
За этот мир в ответе только он...

И он тревожен. Он меняет взгляды.
Как в детстве, рвется к истинам простым.
Чего ему еще от жизни надо?
Иль мало быть при жизни

Львом Толстым?

Другой бы уж давно нашел возможность
Жить, погружаясь в бессмертие свое.
Но коль ты Лев Толстой,
то слава — должность.
И ты всегда в ответе за нее.

Ты властелин. Закон — твое решенье.
 И слава — должность. Ежедневный труд.
 Тебе не пишут слезные прошения,
 Тебе вопросы только задают.

Вопросов — тьма. И вечно кто-то
где-то
 Ждет: ты решишь —
и в сердце сгинет ложь.
 А у тебя давно уж нет ответа.
 Ты сам себе вопросы задаешь.

А так живешь ты, как велит идея?
 Иль не всегда?..
Пустяк!..
Немножко лжи.
 Но коль ты Лев Толстой, то все на деле!
 И все непримиримости — ножи!

И все несовместимости — как жала!..
 Но выход есть: стать снова молодым,
 Отбросить все и все начать сначала,
 И умереть
живущим Львом Толстым.

1960

ПЕТЕРБУРГ

Великий город над Невой!..
Как странно слышать мне сегодня,
Что ты — просторный и живой —
Казался мертвым и холодным.

Ведь все такое же: дворцы
И главный штаб с массивной аркой,
Проспекты, площадей торцы,
Нева, мосты, каналы, парки.

Все это было и тогда,
Но только радовало мало,
Затем что эта красота
К земле сильнее прижимала.

У красоты был свой язык,
Всех языков на свете проще:
«Не забывай, что ты мужик
Перед величием этой мощи.

Не забывай, что жалок ты,
Как эта грязь иль горстка пыли!»
И, как грозящие персты,
Над городом вставали шпили.

«Гляди, крестись, и в ноги бух.
Не для тебя здесь все забавы...»
Таким был город Петербург,
И так он представлял державу.

...Не зря послы со всей земли,
Зарывшись в шубы меховые,
Здесь очень долго жить могли,
Почти не чувствуя России,

Хоть на французском языке
Не раз беседы затевали
О древесине и пеньке,
Количестве штыков и сале...

Был Петербург — аристократ.
Богач. Он жил легко и смело...
А чем он, собственно, богат,
Об этом думать не умел он,

Боялся этого, стыдись!..
Так иногда чиновник важный

Бойтся обнаружить связь
Свою с родней своей сермяжной.

Он видел смысл в самом себе,
В столицы выйдя мировые...
А за сто верст
 в курной избе
Жила и мучалась Россия...

Мост над Фонтанкою-рекой
На Невском знаешь?
 Где в разгоне
Вдруг человеческой рукой
В прыжке задержанные кони.

В уже начавшемся прыжке,
В уже прорвавшейся стихии...
Но конь в узде, узда — в руке!..
Так Петербург владел Россией.

ШОФЕРСКАЯ ДРУЖБА

*Целиноградскому шоферу
Толе Полковникову*

На дорогах любых — и вблизи, и вдали —
Славься, дружба шоферов российской земли!

Пусть от дома далёко попал ты в беду,
В яму,

в глину,

в овраг,

на дорогу не ту,

Пусть мотор непонятно себя поведет
Или попросту выйдет с горючим просчет.

А вокруг только степь, и вся ночь впереди.
Все равно!.. Ты не думай про это, а жди!

**Жди, когда ты увидишь навстречу огни,
А тогда свои фары включи
и мигни!..**

**Где б ты ни был — пусть холод, пусть снег,
 пусть гроза,
Свет мигнет — и в ответ заскрипят тормоза.
И к тебе подойдет незнакомый шофер
И спокойно начнет деловой разговор.**

**Вы друзья, хоть и в первый встречаетесь раз.
Далеки от обоих огни автобаз.
Оба с ночью и сном вы ведете борьбу,
Оба сами избрали вы эту судьбу —
Эту дальность дорог, где маячит причал,
Эту тряскую жизнь из концов и начал.**

**Кто б он ни был — теперь ты в степи
 не один
Если нужен бензин — он разделит бензин,
Толком скажет тебе, где ты сбился с пути,
Неисправность в моторе поможет найти.
Первый встречный.
 Совсем незнакомый.
 Любой —**

**Будет час,
 будет два он возиться с тобой...
И мелькнет в твоей жизни чужой человек,
Станет близким на миг
 и исчезнет навек.**

**И опять на дорогах машины одни:
В полдень облака пыли, а ночью — огни.**

И опять мы летим. В свете дня и во мгле.
По своей,
 по родной,
 по бескрайней земле.

1961

IV

* * *

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал.

П. Коган

Меня, как видно, бог не звал
И вкусом не снабдил утонченным.
Я с детства полюбил овал,
За то, что он такой законченный.
Я рос и слушал сказки мамы
И ничего не рисовал,
Когда вставал ко мне углами
Мир, не похожий на овал.
Но все углы и все печали
И всех противоречий вал
Я тем больше ощущаю,
Что с детства полюбил овал.

1944

* * *

Я не был никогда аскетом
И не мечтал сгореть в огне.
Я просто русским был поэтом
В года, доставшиеся мне.

Я не был сроду слишком смелым
Или орудьем высших сил.
Но если знал, что делать, — делал,
А было трудно — выносил.

И если путь был слишком труден,
Суть в том,
 что я в той службе служб
Был подотчетен прямо людям:
Их душам. И судьбе их душ.

И если в этом грубый кто-то
Откроет ересь — что ж, друзья.
Ведь это все была работа,
А без работы жить — нельзя.

1956

* * *

Ни трудом и ни доблестью
Не дорос я до всех.
Я работал в той области,
Где успех — не успех,
Где тоскуют неделями,
Коль теряется нить,
Где труды от безделья
Нелегко отличить...
Но куда же я сунулся?
Оглядеться пора!
Я в годах, а как в юности ---
Ни кола ни двора,

Ни особенной доблести.
Лишь одно, как на грех:
Стаж работы в той области,
Где успех — не успех...

1960

* * *

За последнюю точку,
За гранью последнего дня
Все хорошие строчки
Останутся жить без меня.

В них я к людям приду
Рассказать про любовь и мечты,
Про огонь и беду
И про жизнь среди огня и беды.

В книжном шкафе резном
Будет свет мой живуч и глубок,
Обожженный огнем
И оставшийся нежным цветком.

Пусть для этого света
Я шел среди моря огня,
Пусть мне важно все это,
Но это не все для меня!

Мне важны и стихии,
И слава на все голоса,
И твои дорогие,
Несущие радость глаза,

Чтобы в бурю и ветер
И в жизнь среди моря огня
Знать, что дом есть на свете,
Где угол, пустой без меня,

И что, если, судьбою
Подкошенный, сгину во рву,
Все ж внезапною болью
В глазах у тебя оживу.

Не гранитною гранью,
Не строчками в сердце звеня:
Просто вдруг неостанет
Живущего рядом — меня.

1951

ИНЕРЦИЯ СТИЛЯ

В жизни, в искусстве, в борьбе, где тебя победили,
Самое страшное — это инерция стиля.

Это — привычка, а кажется, что ощущение.

Это — ты дело закончил, а нет облегченья.

Это — ты весь изменился, а мыслишь, как раньше.

Это — ты к правде стремишься, а лжешь, как
обманщик.

Это — душа твоя стонет, а ты не внимаешь.

Это — ты верен себе и себе изменяешь.

Это — не крылья уже, а одни только перья,

Это — уже ты не веришь — боишься неверья.

Стиль — это мужество. В правде себе признаваться!

Все потерять, но иллюзиям не предаваться —

Даже пускай в тебе сердца теперь уже мало...

Правда конца — это тоже возможность начала.
Кто осознал поражение — того не разбили...

Самое страшное — это инерция стиля.

1960

РАФАЭЛЮ

(После спора об искусстве)

Не ценят знания тонкие натуры.
Искусство любит импульсов печать.
Мы ж, Рафаэль, с тобой — литература!
И нам с тобой здесь лучше промолчать.

Они в себе себя ценить умеют.
Их мир — оттенки собственных страстей.
Мы ж, Рафаэль, с тобой куда беднее —
Не можем жить без бога и людей.

Их догмат — страсть. А твой — улыбка
счастья.

Твои спокойно сомкнуты уста.
Но в этом слиты все земные страсти,
Как в белом цвете слиты все цвета.

Я только так могу.
На том стоим мы.
И все, что знаем, есть наверняка...
Хоть ты ни с чем на свете не сравнимый,
Хоть я лишь миг живу,
А ты — века.

1960

МУЖЕСТВО

Когда, что нужно, сказано вначале,
А нового пока не написать,
Оно приходит — мужество молчанья,
Чтоб даром слов на ветер не бросать.
Мы отдыха не просим, а напротив —
Нам стоит крови каждый перерыв...
И у поэта вечно где-то бродит
Пока что неосознанный мотив.
И если он звучит немного тише,
Не взял за горло и не бросил в дрожь,
Не тронь пера. Ведь если ты напишешь —
Напишешь дрянь и сам ее сожжешь.
Как дразнится бессилием сознание
И тяжело смотреть в глаза друзьям...
Нет! Это вправду мужество — молчанье
В те дни, когда еще сказать нельзя.

1945

СОЛОВЕЙ

То ль он от своих вдруг отбился,
То ль просто из клетки удрал,
Но в зимнем саду появился
И сразу защелкал с утра.

Он пел с удивленьем и смехом
О том, что вокруг — ни листка,
Что сад почему-то под снегом
И каменной стала река.

Он пел, погружась в ту стихию,
Храня про себя торжество,
О чем соловьи никакие
Не пели еще до него.

И весело было вначале,
Но зимние дни холодны.
Шло время — и вдруг заскучал он
И вспомнил, что он — для весны.

Но вьюга вскипала шальная
И пенилась вихрями тьмы.
И жил он, зиму проклиная,
И пел о весне средь зимы...

В мороз — про пьянящую волю,
В бураны — про небо без дна.
И был он простужен и болен,
Когда наступила весна,

Когда все ручьи загудели,
Исчезли узоры в окне,
Когда соловьи прилетели
И начали петь о весне...

Как сладко они заливались,
Не зная о ней ничего,
Как злобно они издевались
Над хриплою песней его.

Их пенье окутало рощу,
Звучало, как радость весны.
В нем все было легче и проще,
Но не было той глубины.

В нем было такое ж значенье,
Все то же: да славься, весна!
Но не было в нем ощущенья,
Как дорого стоит она.

1954

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Я жил не так уж долго,
Но вот мне тридцать лет.
Прожить еще хоть столько
Удастся или нет?
Дороже счет минутам:
Ведь каждый новый год
Быстрее почему-то,
Чем прошлый год, идет...
 Бродил я белым светом
 И жил среди живых...
 И был везде поэтом,
 Не числясь в таковых.
 Писал стихи, работал
 И был уверен в том,
 Что я свое в два счета

Сумею взять потом —
Потом, когда события
Пойму и воплощу,
Потом, когда я бытом
Заняться захочу.
Я жил легко и смело,
Бока — не душу — мял,
А то, что есть пределы,
Абстрактно представлял...

Но никуда не деться, —
Врываясь в мысль и страсть,
Неровным стуком сердце
Вершит слепую власть.
Не так ночами спится,
Не так свободна грудь,
И надо бы о быте
Подумать как-нибудь.
Советуюсь со всеми,
Как быть, чтоб мне везло?
Но жалко тратить время
На это ремесло...

1956

РАССУДОЧНОСТЬ

Все оставалось: путь, и цель, и свет,
Но жизнь подчас теряла вкус и цвет.

Казался ночью день, мороз — жарой,
Все очертанья таяли порой.
Предмет не выделялся из теней,
И вдруг огромным делался пигмей.

И должен был твой разум каждый день
Вновь открывать, что значит свет и тень.
Что значит ночь и день, и топь и гать,
Простые вещи снова открывать.

Он осязанье мыслью подтверждал,
Он сам с годами вроде чувства стал.

Другие наступают времена.
С глаз наконец спадает пелена.
А ты, как за постыдные грехи,
Ругаешь за рассудочность стихи.

Но я не рассуждал. Я шел ко дну.
Смотрел вперед, а видел пелену.
Я ослеплен быть мог от молний-стрел
Но я глазами разума смотрел.

И повторял, что в небе небо есть
И что земля еще на месте, здесь.
Что тут пучина, ну а там — причал.
Так мне мой разум чувства возвращал.

Нет! Я на этом до сих пор стою.
Пусть мне простят рассудочность мою.

1956

СТИХИ О ЛИЧНОМ

Писать! Писать!
 С любой бедой
Справляясь молча. В одиночку.
Писать!.. Но стала вдруг пустой
Едва родившаяся строчка.

Она жила. В ней ритм гудел.
А вот теперь, как плеть, повисла.
Как будто ты с трудом взлетел,
Но тут полет лишился смысла.

Ты вдруг увидел мир иным.
Пустым. Бессмысленным. Не новым.
И стало лишним и смешным
Тебя измучившее слово.

В нем свет был. Где он, этот свет?
Отвага... Где она, отвага?..
Есть все. Лишь смысла в этом нет.
Перо споткнулось о бумагу.

И ничего тут не спасет
Ни страсть, ни суетность мирская,
Ни мысли дерзкий поворот —
Пускай он многих испугает, —
Ни все легчайшие слова...
Тут надо впрямь сквозь морок быта
Опять открыть, чем жизнь жива
И что от глаз уставших скрыто.

И сам притянет небосвод
Тебя, как птицу, к шири синей.
И вновь ты будешь как пилот,
В полете слившийся с машиной.

Уводит в небо колея.
Ты ж нынче болен. Это — ясно:
Твоя машина — жизнь твоя,
Что стала сердцу неподвластна.

Но сердце ищет. И найдет.
Иначе — ставь заране точку.
Иначе вновь рука замрет
Над распадающейся строчкой.

НА-ГОРА

Приближаются лампочки.
Смена.
Пора.
Выбирайся на штрек
И пошел на-гора!
По пути еще шпалы,
И сырость,
И мгла —
Целых два километра идти до ствола.
Но пора —
Это все-таки значит пора:
Ежедневная радость —
Идти на-гора.

Для других —
Это слово из книг и газет.

Согласится любой,
Что затасканней нет.
Это слово
Бессмысленно даже порой.
Обретает значенье оно под землей.

На-гора — это девушка,
Родина, дом.
На-гора —
Это свет над наклонным стволом.
Синий свет,
Что вверху возникает во мгле,
Будто синее небо
Лежит на земле.
На-гора —
Это свежесть и радость утра.
Мы работаем здесь,
А живем на-гора.

1954

В ТРУДНУЮ МИНУТУ

Хотеть. Спешить. Мечтать о том ночами.
И лишь ползти. И не видеть ни зги.
Я, как песком, засыпан мелочами,
Но я еще прорвусь сквозь те пески!
Раздвину их. Вдохну холодный воздух.
И станет мне совсем легко идти
И замечать по неизменным звездам,
Что я не сбился все равно с пути.

1950

ОСЕНЬ В КАРАГАНДЕ

В холоде ветра — зимы напев.
Туч небеса полны.
И листья сохнут, не пожелтев.
Вянут — а зелены.
Листьям свое не пришлось дожить,
Смял их морозный день.

Сжатые сроки. Идут дожди.
Осень в Караганде.
Новые зданья сквозь дождь глядят.
В каплях — еще нежней
Бледный,
 зеленый,
 сухой наряд
Высаженных аллей.

И каждый свое не доживший лист —
Для сердца родная весть.
Деревья, как люди, не здесь родились,
А жить приходится здесь.
И люди в зданьях полны забот,
Спешат, и у всех дела...
И людям тоже недостает
Еще немного тепла.

А тут еще мы разошлись с тобой,
Не мы, а жизнь развела.
И я сохраняю бережно боль,
Как луч твоего тепла.
Но я далеко, и тебя здесь нет,
И все это — тяжело.
Как этим листьям зеленый цвет
Мне нынче твое тепло.
Но сроки сжаты, и властен труд,
И глупо бродить, скорбя...
Ведь люди без многого так живут,
Как я живу без тебя.

1954

ЗЕМЛЯЧКАМ

Снова Киев.

И женщины

нежной, певучей осанки.

Все — такие, как вы.

Но не встретить на улицах вас,

Довоенные девочки,

детство мое, —

киевлянки!

Мои взрослые сверстницы,

где вы и как вы сейчас?

Я не к вашим ногам

припадал молодыми губами,

Все не вам объяснял,

что пытался себе объяснить.

Я оставил вас в детстве,

одних,

словно мертвую память, --

Обронил,
 словно можно
 частицу себя обронить.
Мы встречались порой.
 Говорили.
 Мне некогда было.
Я проделывал путь,
 пробивая дорогу плечом.
Боль эпохи моей
 подняла меня,
 сердце пронзила,
Отделила от вас,
 словно были вы здесь ни при чем.
Словно это не вы
 и не горькие ваши романы,
Ваши браки, разводы,
 смятенья
 и схватки с тоской.
Той любви, что хотели,
 мечтали о ней постоянно,
Той любви вдруг не стало,
 а вы не умели с другой.
Знал я это,
 но знал не про вас.
 Я разыгрывал роли.
От безвкусицы южной зверел,
 вам не верил порой...
Чушь.
 Ведь боль остается
 в любой аффектации — болью,
А судьба остается
 в любом проявленье — судьбой...

Что же делать?

Живем.

И дела наши вовсе не плохи.
Если что и не так —

это все-таки жизнь, а не крест.

За гарантию счастья

не спросишь с минувшей эпохи.

За любовь не получишь

с давно отшумевших торжеств.

Но не вы эти девушки

нежной, певучей осанки,

Что спешат,

как спешили,

сияя доверием,

вы.

Я ищу вас везде.

Я такой же, как вы, киевлянки,

Та же южная кровь,

лишь обдута ветром Москвы.

Я такой же, как вы.

Так откуда в душе ощущение

Самой подлой вины, словно стал я банкротом

сейчас.

Словно мог я вас всех

полюбить,

увести от крушенья.

Все мечты вам спасти —

и по глупости только

не спас.

1962

* * *

Роса густа, а роща зелена,
И воздух чист, лишь терпко пахнет хвоя.
Но между ними и тобой — стена,
И ты уже навек за той стеною.
Как будто трудно руку протянуть,
Все ощутить, проснуться, как от встряски...
Но все равно — распалась жизни суть,
А если так — то чем помогут краски?
Зачем в листве искать разводья жил
И на заре бродить в сыром тумане...
Распалось все, чем ты дышал и жил,
А эта малость стоит ли вниманья?
И равнодушьем обступает тьма.
Стой. Встрепенись. Забудь о всех потерях.
Ведь эта малость — это жизнь сама,

Ее начало и последний берег.
Тут можно стать, весенний воздух пить
И, как впервые, с лесом повстречаться...
А остального может и не быть,
Все остальное может здесь начаться.
Так не тверди: не в силах, не могу!
Войди во все, пойми, что это чудо.
И задержись на этом берегу!..
И, может, ты назад пойдешь отсюда.

1958

**ПЕСНЯ, КОТОРОЙ ТЫСЯЧА
ЛЕТ**

Это старинная песня,
Которая вечно нова.

Г. Гейне

Старинная песня.
Ей тысяча лет:
Он любит ее,
А она его — нет.

Столетия сменяются,
Вьюги метут,
Различными думами
Люди живут.

Но так же упрямо
Во все времена
Его почему-то
Не любит она.

А он — и страдает,
И очень влюблен...
Но только, позвольте,
Да кто ж это — он?

Кто? — Может быть, рыцарь
А может, поэт.
Но факт, что она
Его счастье и свет.

Что в ней он нашел
Озаренье свое,
Что страшно остаться ему
Без нее.

Но сделать не может
Он здесь ничего...
Кто ж эта она,
Что не любит его?

Она? — Совершенство.
К тому же она
Его на земле
Понимает одна.

Она всех других
И нежней и умней.
А он лучше всех
Это чувствует в ней...

Но все-таки, все-таки
Тысячу лет
Он любит ее,
А она его — нет.

И все же ей по сердцу
Больше другой —
Не столь одержимый,
Но все ж неплохой.

Хоть этот намного
Скучнее того
(Коль древняя песня
Не лжет про него).

Но песня все так же
Звучит и сейчас
(А я ведь о песне
Веду свой рассказ).

Признаться, я толком
И сам не пойму:
Ей по сердцу больше другой...
Почему?

Так глупо
Зачем выбирает она?

А может, не скука
Ей вовсе страшна?

А просто как люди
Ей хочется жить...
И холодно ей
Озареньем служить.

Быть может... Не знаю.
Ведь я не пророк.
Но в песне об этом
Ни слова. Молчок.

А может, и рыцарь
Вздохнуть устает.
И сам наконец
От нее отстает.

И тоже становится
Этим другим —
Не столь одержимым,
Но все ж неплохим.

И слышит в награду
Покорное: «да»...
Не знаю. Про то
Не поют никогда.

Не знаю, как в песне,
А в жизни земной
И то и другое
Случалось со мной.

Так что ж мне обидно,
Что тысячу лет
Он любит ее,
А она его — нет?

1958

* * *

Сочась сквозь тучи, льется дождь осенний.
Мне надо встать, чтобы дожить свой век,
И рвать туман тяжелых настроений,
И прорываться к чистой синеве.
Я жить хочу. Движенья и отваги.
Смой, частый дождь, весь сор с души моей.
Пусть, как дорога, стелется бумага —
Далекий путь к сердцам моих друзей.
Жить! Слышать рельсов радостные стоны,
Стоять в проходе час, не проходя.
Молчать и думать... И в окне вагона
Пить привкус гари в капельках дождя.

1950

* * *

Встреча — случай. Мы смотрели
День морозный улыбался,
И от солнца акварельным
Угол Кудринки казался.
Снег не падал. Солнце плыло...
Я шутил, а ты смеялась...

Будто все, что в прошлом было,
Только-только начиналось...

1945

* * *

Предельно краток язык земной,
Он будет всегда таким.
С другим — это значит то, что со мной,
Но — с другим.
А я победил уже эту боль,
Ушел и махнул рукой:
С другой... Это значит то, что с тобой,
Но — с другой.

1945

* * *

Не изойти любовью, а любить.
Не наслаждаться жизнью — просто жить.
Я не люблю безмерные слова,
Все выдумки не стоят естества:
Любить нельзя сильнее, чем любить,
А больше жизни — и не может быть.
И смысл безмерных слов, пожалуй, в том,
Чтоб скрыть бессилье в чем-нибудь простом.

1950

* * *

Ты разрезаешь телом воду,
И хорошо от неги водной.
В воде ты чувствуешь свободу,
А ты умеешь быть свободной.
И не пойму свои я чувства
При всей их ясности всегдашней.
И восхитительно, и грустно,
И потерять до боли страшно.

1954

* * *

Я в сказки не верю. Не те уж года мне.
И вдруг оказалось, что сказка нужна мне,
Что, внешне смирившись, не верящий в чудо,
Его постоянно искал я повсюду,
Искал напряженно, нигде не встречая,
Отсутствие сказки всегда ощущая...
Все это под спудом невидное крылось,
И все проявилось, лишь ты появилась.

1954

ОСЕНЬ

Вода в колеях среди тощей травы,
За тучею туча плывет дождевая.
В зеленом предместье предместья Москвы
С утра моросит. И с утра задувает.
А рядом дорога. И грохот колес.
Большие заводы. Гудки электрички.
Я здесь задержался.

Живу.

Но не врос.

Ни дача, ни город.

Тоска без привычки.

Быть может, во мне уже нету огня,
Я, может, уже недостаточно молод...
Но осень не манит в дорогу меня —
В ней нынче одна только сырость и холод.

И ноги ступают по тусклой траве.
Все краски пропали. Погода такая.
Но изредка солнце скользнет по листве —
И желтым и красным листва засверкает.
Как знамя, она запылает в огне
Подспудного боя.

И станет мне ясно,
Что жизнь продолжается где-то вовне,
Все так же огромна, остра и опасна.
Да! Осени я забываю язык.
Но все ж временами,
сквозь груз настроенья,

Сливаюсь,

как прежде сливаться привык,

С ее напряженным и грустным горением.

И, может быть, будет еще один год.

Год жизни —

борьбы с умирающим и скверной.

Пусть будет тоска. Но усталость пройдет.

Пусть все будет больно, но все — достоверно.

Порывы свирепы. Не бойся. Держись.

Здесь все на учете: и силы, и годы.

Ведь осень всегда беспощадна, как жизнь,—

Контрольный налет первозданной природы.

И в кронах горят желтизна и багрец,

Как отсвет трагедий,

доступных не очень.

Для дерева — века.

Для листьев — конец.

А чем для меня ты окажешься, осень?

1957

* * *

Мне без тебя так трудно жить,
А ты — ты дразнишь и тревожишь.
Ты мне не можешь заменить
Весь мир...

А кажется, что можешь.
Есть в мире у меня свое:
Дела, успехи и напасти.
Мне лишь тебя недостает
Для полного людского счастья.

Мне без тебя так трудно жить:
Все неудобно, все тревожит...
Ты мир не можешь заменить,
Но ведь и он тебя — не может.

1952

НА РЕЧНОЙ ПРОГУЛКЕ

Так пахнет настоящая вода!..
Дыши свободно. Будь собой доволен.
Но я влюблен в большие города,
Где много шума и где нет раздолья.
Живешь. И только редко... иногда
Вдруг видишь, вырываясь на мгновенье,
Что не имеешь даже представленья,
Как пахнет настоящая вода.

1945

* * *

Хотя б прислал письмо ошибкой
Из дальней дали кто-нибудь,
Хотя бы женщина улыбкой
Меня сумела обмануть, —
Чтоб снова в смуглом, стройном теле
Я видел солнца свет и власть,
Чтоб в мысль высокую оделась
Моя безвыходная страсть.

1949

ПОДМОСКОВНАЯ ПЛАТФОРМА В АПРЕЛЕ

Еще в лесу зима бела,
Но за лесным кварталом
Уже по улицам села
Ступаешь снегом талым.
И ноги ходят вразной,
И душно без привычки
Ходить дорогой зыбкой той
К платформе электрички.
Но вот дошел ты. Благодать.
Кругом в воде березки.
И странно-радостно ступать
На высохшие доски.
Здесь на платформе — май, весна.

Пусть тает снег... Не явно
Дождями вымыта она
И высохла недавно.

1955

* * *

Ты сама проявила похвальное рвенье,
Только ты просчиталась на самую малость.
Ты хотела мне жизнь ослепить на мгновение,
А мгновение жизнью твоей оказалось.
Твой расчет оказался придуманным вздором.
Ты ошиблась в себе, а прозренье — расплата.
Не смогла ты холодным блеснуть метеором,
Слишком женщиной — нежной и теплой —

была ты.

Ты не знала про это, но знаешь сегодня,
Заплативши за знание жестокую цену.
Уходила ты так, словно впрямь ты свободна,
А вся жизнь у тебя оказалась изменой.
Я прощаюсь сегодня с несчастьем и счастьем,
Со свиданьями тайными в слякоть глухую
И с твоим увяданьем и с горькою властью

Выпрямлять твое тело одним поцелуем...

.
Тяжело, потому что прошедшие годы
Уж другой не заполнишь, тебя не забудешь
И что больше той странной, той ждущей чего-то
Глупой девочкой ни для кого ты не будешь.

1960

* * *

Он собирался многое свершить,
Когда не знал про мелочное бремя.
А жизнь ушла
на то, чтоб жизнь прожить
По мелочам.

Цените, люди, время.

В делах, в мечтах, в любви, вблизи, вдали
Пускай всегда, везде горит над всеми:

Вы временные жители земли!

И потому — цените, люди,

время.

1958

* * *

Возьму обижусь, разрублю,
Не в силах жить в аду...
И разлюбить — не разлюблю,
А в колею войду.
И все затопчет колея
Надежды и мечты,
И будешь ты не там, где я,
И я — не там, где ты.
И станет просто вдруг сойтись
И разойтись пустяк...
Но если жизнь имеет смысл,
Вовек не будет так.

1954

МАСШТАБЫ

Мы всюду,
 бредя взглядом женским,
Ища строку нль строя дом,
Живем над пламенем вселенским,
На тонкой корочке живем.
Гордимся прочностью железной,
А между тем
 в любой из дней,
Как детский мячик,
 в черной бездне
Летит земля
 и мы над ней.

Но, все масштабы эти помня,
Свои презреть
 нам не дано.
И берег — тверд.
 Земля — огромна.
А жизнь серьезна все равно.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Вступление	3
Стихи о моей звезде	5
«В эпоху войн и революций...»	7
«Век открывался для меня не просто...»	9
«Где вы, где вы?...»	10
«Ни к чему...»	12
«О время резкое мое...»	14

II

Над книгой Нскрасова	16
Хлеб	17
Дети в Освенциме	20
Парад ветеранов в Кёльне (ФРГ)	22
Посвящение Карлу Либкнехту (<i>Из поэмы «Рождение века»</i>)	24

III

Бородино	27
Невеста декабриста	33
Церковь Покрова на Нерли	37

Генерал	40
Русской интеллигенции	44
Легкость	46
Уход	48
Петербург	50
Шоферская дружба	53

IV

«Меня, как видно, бог не звал...»	56
«Я не был никогда аскетом...»	57
«Ни трудом и ни доблестью...»	59
«За последнюю точкой...»	61
Инерция стиля	63
Рафаэлю (<i>После спора об искусстве</i>).	65
Мужество	67
Соловей	68
О жизни и смерти	71
Рассудочность	73
Стихи о личном	75

V

На-гора	77
В трудную минуту	79
Осень в Караганде	80
Землячкам	82
«Роса густа, а роша зелена...»	85
Песня, которой тысяча лет	87
«Сочась сквозь тучи, льется дождь осенний...»	92
«Встреча — случай. Мы смотрели...»	93
«Предельно краток язык земной...»	94
«Не изойти любовью, а любить...»	95

«Ты разрезаешь телом воду...»	96
«Я в сказки не верю. Не те уж года мне...»	97
Осень	98
«Мне без тебя так трудно жить...»	100
На речной прогулке	101
Утро в лесу	102
«Хотя б прислал письмо ошибкой...»	103
Подмосковная платформа в апреле	104
«Ты сама проявила похвальное рвенье...»	106
«Он собирался многое свершить...»	108
«Возьму обижусь, разрублю...»	109
Масштабы	110

Коржавин
Наум Моисеевич

ГОДЫ

М., «Советский писатель», 1963, 116 стр.

Редактор **Е. М. Винокуров**
Художник **И. Н. Куклес**
Худож. редактор **Д. С. Мухин**
Техн. редактор **Р. Я. Соколова**
Корректор **Э. В. Пронина**

*

Сдано в набор 6/II 1963 г.
Подписано к печати 8/VI 1963 г.
А01989 Бумага 70×90¹/₃₂
Печ. л. 3 ⁵/₈ (4,24) Уч.-изд. л. 2,69
Тираж 10 000 экз. Заказ № 298
Цена 13 коп.

*

Издательство «Советский писатель»,
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10

Учебно-производственная типография
г. Тула, ул. Коммунаров, 133

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу:

*Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10
издательство «Советский писатель».*

13 коп.

